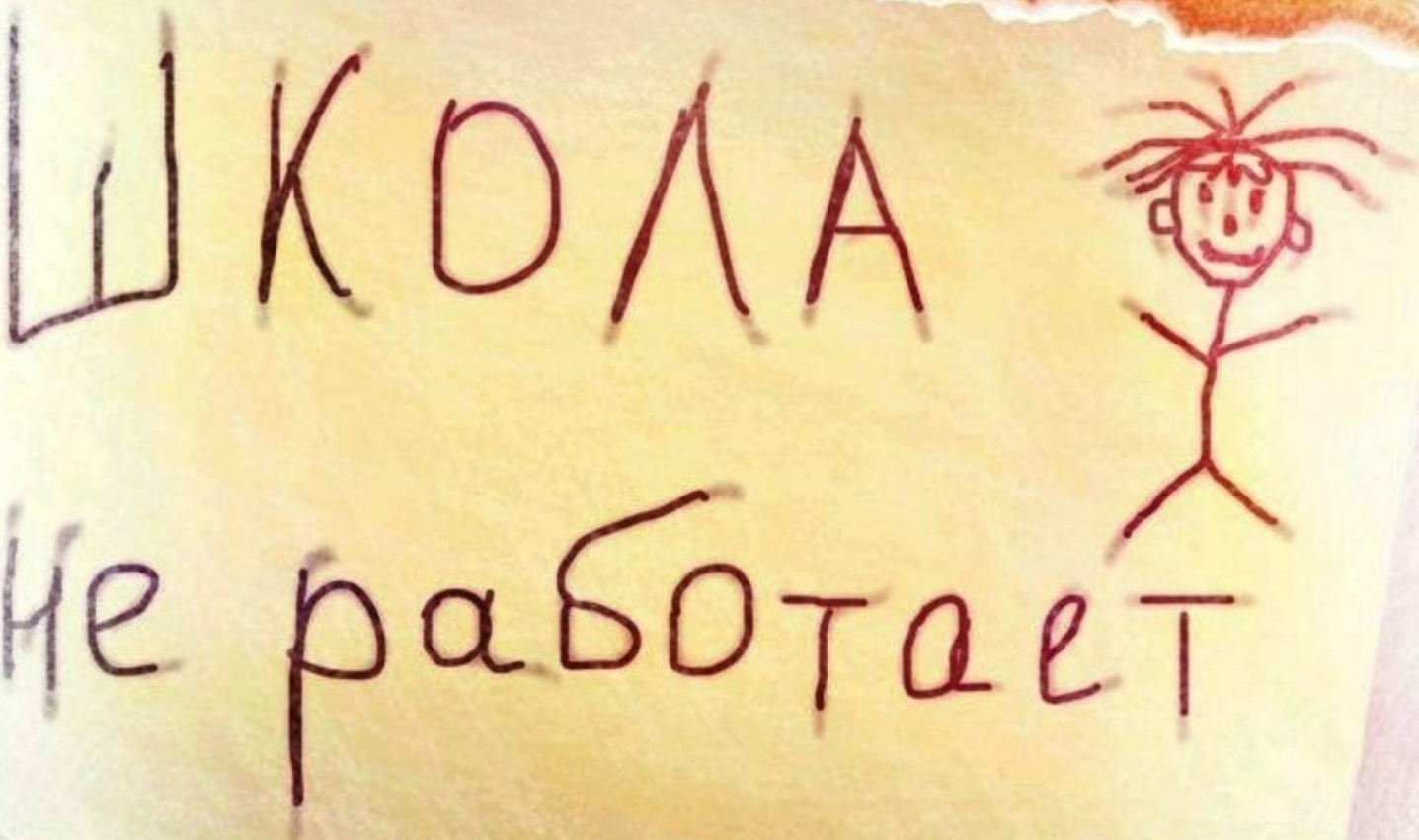
КАПКАН НА СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА



Юрий Ситников

12+

Юрий Ситников

Капкан на снежного человека

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ситников Ю. В.

Капкан на снежного человека / Ю. В. Ситников — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Во время летних каникул появляется слишком много свободного времени. Сразу и не решить, на что его потратить с пользой для дела. Можно спать хоть до обеда, не учить уроки, гулять с утра до вечера, и, конечно же, искать способы развлечь себя и своих друзей. Гарику повезло — лето выдалось щедрым на приключения. С Мотькой он поймал квартирного вора, с Наткой чуть сам не стал воришкой, с Тоськой умудрился побывать помощником Карабасихи-Барабасихи и разгадать ее главную тайну. Но это далеко не все! Вместе с Яриком и Женькой Гарику пришлось столкнуться с мистическими событиями. Сначала он услышал историю о мальчике-призраке, а потом увидел… снежного человека.

© Ситников Ю. В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 10
За марками 10
Глава третья 16
Требуется помощник 16
Глава четвертая 22
Охотники за адреналином 22
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Юрий Ситников
Капкан на снежного человека

Глава первая

Привет, лето!

Девять месяцев я пребывал в ожидании летних каникул, а когда они начались, понял – скучаю по школе. Самому не верится. Даже закралась мысль, не сошел ли я с ума. Пришлось подойти к зеркалу, внимательно посмотреть на свое отражение и удостовериться, что на лице отсутствуют следы сумасшествия. Никогда бы не подумал, что в здравом уме человек может скучать по школе. Ведь в течение года, я спал и видел, как приходит жаркое лето, уроки остаются в прошлом, а впереди у меня целых три месяца беззаботной жизни. Прощайте, контрольные работы, диктанты, домашнее задание. А главное, нет больше необходимости вставать ни свет ни заря.

Я люблю поспать, и кажется, дай мне волю, могу проваляться в кровати до самого вечера. Так рассуждал я, топая каждое утро в школу. Но наступили каникулы, прошла всего одна неделя и я сам, без будильника, начал просыпаться в девять утра. Глаза открою и таращусь в потолок. Сна нет. Ворочаюсь с боку на бок, заставляю себя поспать хотя бы пару часиков – не получается. Приходится вставать и ломать голову, чем заполнить предстоящий день. Большинство ребят разъехались: одни с родителями на море, других отправили в ссылку к бабушке в деревню, третьи тусят на даче.

Из нашего класса в городе остались четверо: я, Мотька и Тоська с Виолеттой.

Виолка в основном сидит дома, читает. Что есть каникулы, что их нет, она остается верна себе. Чтение – любимое времяпрепровождение. Тоська целыми днями пропадает у Маргариты Андреевны, зарабатывает деньги. Но об этом я расскажу чуть позже. А мы с Мотькой вдвоем бесцельно бродим по улицам, словно беспризорники, ищем приключений. А приключений нет! Они, как и наши одноклассники, смотались из города на время летних каникул.

Одним словом, тоска смертная. Вчера днем меня переклинило, и я признался Мотьке, что скучаю по школе. Мотька покрутил пальцем у виска.

– Ты с дуба рухнул, Гарик?!

– А чего сразу с дуба, – пошел я в наступление. – В школе хоть движуха не прекращается.

– Ага, движуха, – хмыкнул Мотька. – Переход из класса алгебры в класс истории. И от парты до доски. Мне такая движуха даром не нужна. Я лучше бездельничать буду, чем стоять и вспоминать, в каком году Петр Первый убил своего сына, и в каком родстве состоят синус с косинусом.

– Сына убил не Петр, а Иван Грозный.

– Плевать, – отмахнулся Мотька.

– А синус с косинусом приходятся друг другу братьями, – засмеялся я.

– Двоюродными?

– Родными.

– Я рад за них. И еще рад, что сейчас каникулы. Прикинь, сегодня в час дня проснулся.

– А я в девять.

– Сочувствую, – Мотька зевнул. – Куда пойдем?

Я пожал плечами.

– Мне без разницы.

– Может, в парк?

– Были там вчера – ничего интересного.

– Тогда рулим ко мне, за компом посидим.

И так каждый день. Полчаса маемся на улице, потом до вечера сидим перед компом. С одной стороны прикольно, с другой – тоска.

Но сегодня я вроде буду занят, мы с Наташкой договорились пройтись по магазинам.

Наташка – моя двоюродная сестра, она с родителями и бабушкой живет в паре остановок от нас. У бабушки скоро юбилей, мы решили купить ей подарок.

Встретиться договорились у торгового центра. Я опоздал. Когда прибежал, Наташка уже нервно накручивала круги у входа.

– Гарик, жду тебя целый час!

– Не ври.

– Сколько у тебя денег?

– Две тысячи.

– Не густо.

– Почему? На две тысячи можно купить нормальный подарок.

Наташка сжала кулаки.

– Если бы мне тоже давали карманные деньги, мы могли бы купить что-нибудь стоящее.

– Ты сама виновата.

Наташка промолчала. Родители лишили ее карманных денег не из экономии, проблема в другом. Наташка слишком много ест. С детства отличается отменным аппетитом. Если я в гостях у бабушки съедал один-два пирожка, Натка могла умять штук десять за раз, и все равно оставалась голодной. Она была полной до третьего класса, а в пятом стала толстой. Родители и врачи забили тревогу. Наташку посадили на строгую диету, от нее закрывают буфет со сладостями, а холодильник пришлось перенести из кухни в комнату бабушки.

На карманные деньги Наташка покупала сладости, диета трещала по швам, родителям пришлось прибегнуть к радикальным мерам. С тех пор Наташка чувствует себя постоянно голодной и обиженной на весь мир. Вот и сейчас она смотрит на меня голодными глазами, будто последний раз ела на новогодних каникулах.

– Гарик, давай сначала где-нибудь перекусим.

– Наташ…

– Не перебивай. Я же не прошу, чтобы ты все деньги истратил на еду. Просто купим по хот-догу. Я сегодня ничего не ела.

– Вообще?

– Ага.

– Верится с трудом.

– А какой смысл мне врать?

– Смысл есть, – засмеялся я.

– Тебе смешно?! Конечно, сам с утра натрескался, а я только яичницу из двух яиц съела. И малюсенький бутербродик. Давай ход-дог купим, а. Пожалуйста, Гарик.

Я смотрел на Наташку и вспоминал лицо ее мамы, моей тети, которая заклинала меня не идти на поводу у Натки и не покупать ей еду.

– Если не подкреплюсь, упаду прямо в торговом центре, – заявила Наташка. – За последний месяц я похудела на три килограмма, ослабла очень.

– По тебе не скажешь.

– Гарик! – рявкнула Наташка. – Неужели ты думаешь, меня разнесет от одного хот-дога?

– Нет.

– Тогда купи.

И я сдался. Наташка просияла. А когда мы покупали хот-доги, попросила, чтобы было побольше майонеза, горчицы и кетчупа.

Подойдя к высокому круглому столику, я успел откусить от хот-дога всего один кусочек, а Наташка уже облизывала пальцы. И главное, на мой хот-дог смотрит взглядом голодного слоненка.

– Гарик, а ты чего не ешь? Не нравится? Не вкусно? Давай мне, я доем.

– Ты свой не жевала, что ли? Так проглотила?

– Он был нестандартного размера. Чего там жевать? Гарик, купи еще один.

– Нет! – на этот раз я был непреклонен.

Наташка ныла до тех пор, пока мы не зашли в торговый центр. А там спросила:

– Что купим бабушке?

– Надо осмотреться.

– Я предлагаю купить ей хорошую супницу.

– Супницу? Да ну, Наташ… несерьезно как-то.

– Бабушка вкуснейшие супы варит. Супница ей пригодится. Или сковородку, – Наташка облизнулась. – Обожаю ее оладьи! Сто лет их не ела.

– Лучше купить что-нибудь лично ей.

– Например?

– Как вариант – хороший очечник.

– Фу, – скривилась Натка. – У нее нормальный очечник. Предлагаю подарить книгу. Кулинарную! С пончиками на обложке. Или с курочкой. Или с винегретиком… Или…

– Притормози, Наташ. Что скажешь про духи? – спросил я.

– С ароматом жареной картошечки? – мечтательно проговорила Наташка.

– Ты можешь думать о чем-нибудь другом?

– Не могу! Я есть хочу.

– Мы выбираем подарок.

– На духи твоих денег не хватит. Или ты собираешься подарить ей пробник?

Час спустя я понял, что выбор подарка не такое уж легкое занятие. То, что нравилось мне, браковала Наташка. Варианты Натки даже обсуждать не хотелось.

– Гарик, на пельменницу денег хватает.

– Неудачный подарок к юбилею.

– А вафельница?

– Нет.

– Мясорубка.

– Договорились же, подарок покупаем бабушке, а не для всех.

– Хорошо, – психанула Наташка. – Килограмм говядины, килограмм баранины и полкило сала. Отличный подарок! Если бы мне подарили продукты, я была бы на седьмом небе от счастья.

– Будет у тебя юбилей, я подарю тебе полкило сала, – пообещал я. – Но только когда тебе исполнится столько же лет, сколько бабушке.

– Я не доживу, – надулась Наташка. – Умру с голодухи. Посмотри, у меня ноги, как палочки. Еле передвигаюсь. Прозрачная стала.

Я взглянул на Наташкины ноги. Да уж, прозрачная. Одна ножка как две моих, да еще и Мотькина в придачу.

Чуть погодя Наташка подала первую стоящую мысль за день.

– Гарик, смотри, классная безрукавка из овчины. Бабушка дома будет ходить.

– Она разве мерзнет зимой в квартире?

– Иногда. Особенно, когда выходит на балкон за квашеной капусткой. Эх, сейчас бы мисочку квашеной капустки с картошечкой и грибками навернуть. И потом, – Наташка снова облизнулась. – Овчина – это вещь. Овцы вообще классные животные, такие милые, прикольные. А знаешь, какие вкусные чебуреки с баранинкой? Ммм… Пальчики оближешь. В про-

шлом году я в чебуречную с подругой зашла, слопала шесть чебуреков с бараниной. Решено, Гарик, покупаем безрукавку.

По взгляду, которым Наташка смотрела на бедную безрукавку, я решил, что она собирается ее съесть прямо не выходя из магазина.

Я, конечно, сомневался, нужна ли бабушке безрукавка, но потом вспомнил, как слышал от кого-то, что пожилые люди часто мерзнут. А вдруг Наташка права, и безрукавка пригодится бабушке. Ладно, тогда покупаем.

На улице Наташка остановилась.

– Безрукавка пусть у тебя останется, потом привезешь.

– Хорошо.

– Ты сейчас домой?

– Да. Только в магазин забегу, хлеба надо купить.

Наташка увязалась за мной. В магазине она клянчила, чтобы я купил ей булку. Потом заговорила о глазированных сырках, а когда я в очередной раз гаркнул, что больше не поддамся на ее уговоры, попросила одну сосиску или сто граммов колбасы.

К кассе я вышагивал, держа в руке батон хлеба. Наташка семенила позади, громко вздыхая. Я отключил слух.

И каково было мое удивление, когда, расплатившись за хлеб, мы направились к выходу, а нам преградил путь охранник.

– Задержитесь на минутку, молодые люди, – сказал он.

– А в чем дело? – спросил я.

– Можно попросить тебя показать, что лежит во внутреннем кармане кофты? – обратился охранник к Наташке.

– Там ничего не лежит, – крикнула она. – Вы не имеете права меня обыскивать!

– В магазине установлены камеры видеонаблюдения.

– И?

– Я видел, как ты положила в карман пачку масла.

Я расхохотался.

– Вы шутите?! Зачем Наташке масло?

Охранник наморщил лоб.

– Попрошу вас пройти со мной.

Нас отвели в маленькую комнатушку и сообщили, что сейчас в магазин будет вызвана полиция. Я недоумевал, а Наташка… Достав из кармана пачку сливочного масла, всхлипнула:

– Не знаю, как это произошло. Я не хотела!

– Ты… – у меня не было слов.

– Разберемся, – спокойно произнес охранник.

Представив на секунду, какой будет скандал, если об этом узнают наши родители (а скандал обязательно будет), я обратился к охраннику с просьбой простить нас. Рассказал ему о Наташкиной проблеме, заверил, что она действовала на автомате, не отдавая отчета поступку. Наташка кивала. Зачем-то ляпнула, что не ела уже трое суток, пустила слезу.

Охранник оказался нормальным дядькой, вошел в положение, отпустил нас. Правда, не обошлось без нотаций.

Из магазина я выскочил, решив окончательно и бесповоротно, что сюда уже никогда не приду. Будет стыдно. Наташка молчала.

– У тебя с головой все в порядке? – спросил я.

– Родителям не рассказывай, – буркнула она.

– И часто ты промышляешь воровством в магазинах?

– Гарик, ты чего?! Это случилось первый и последний раз в жизни. Клянусь! Просто… масло так на меня смотрело, я не удержалась. Не злись.

– Да мне вообще по барабану, – заявил я. – Это твоя жизнь. И знаешь, на месте твоих родителей, я бы не стал ограничивать тебя в еде.

– Правда?

– Правда! Разрешил бы есть все без исключений. Со временем ты довела бы себя до такого состояния, что не смогла бы передвигаться. Стала бы инвалидом, и…

– Почему ты замолчал? – испугалась Наташка.

– И рано или поздно кусок пиццы или пирожка оказался бы для тебя последним. Ты этого добиваешься?

– Совсем нет.

– Что-то незаметно. Все с тобой носятся, на диеты сажают, хотят, чтобы здоровой была, а ты… Нет у тебя ни силы воли, ни мозгов.

– Я похудею.

– Сто раз слышал.

– Даю слово.

– Не верю я твоим словам.

– Гарик, давай заключим пари, – у Наташки загорелись глаза. – Обещаю тебе, к концу летних каникул, я похудею на десять килограммов. Ты можешь смеяться и шутить, но я сделаю это.

Я протянул Наташке руку.

– По рукам. Но учти, если не сдержишь слово, я тебе больше не брат.

Наташка выдохнула и топнула ногой.

– С сегодняшнего дня держу себя в ежовых рукавицах.

Не знаю, правду она говорила или это был сиюминутный порыв. В любом случае, время покажет. Поживем – увидим.

Глава вторая

За марками

До вечера я просидел перед компом, даже ужинал, глядя в монитор. Потом поругался с Пашкой, мы со старшим братом вечно на ножах, а перед самым сном решил почитать. Книг у нас много, так сказать, на любой вкус. Но беда в том, что я пока не определился с собственным вкусом. Не могу понять, книги какого жанра мне нравятся. Пару лет назад читал фантастику, но она мне быстро наскучила – не мой жанр, затем переключился на приключения, тоже не пошло. Пробовал читать классику – засыпал через две страницы. Папа посоветовал детективы. Ими я вроде увлекся, но довольно быстро охладел к преступлениям и расследованиям.

Открыв книжный шкаф, я начал рассматривать корешки книг. Выбирал по следующему принципу: симпатичная обложка, название, аннотация. И если с первыми двумя пунктами проблем не возникало, то на этапе прочтения аннотации, я понимал, что данную книженцию не одолею. Как мне кажется, аннотация должна зацепить, завлечь, заставить открыть книгу и начать читать. Те аннотация, которые читал я, заставляли немедленно положить книгу на полку и продолжить поиски.

Примерно через полчаса мне повезло, я наткнулся на книгу, которая отвечала всем моим требованиям. Классная обложка, прикольное название, а главное, интригующая аннотация.

Эх! В который раз убеждаюсь, нельзя судить о конфете по фантику. Я начал читать и буквально закипал от негодования две страницы, пять, десять – никакого действия. Описание природы, нравоучения автора, который так и пытался внушить читателю собственные мысли, убивали всякое желание переворачивать листы.

Но я был настойчив. Ждал, что вот-вот начнется действие (написано же в аннотации), листал страницы и разочаровывался. Зато узнал, какие бывают облака, сколько оттенков у предзакатного неба, и чем может пахнуть вечерний воздух. Создалось впечатление, что автор писал книгу на улице, разглядывая облака и нюхая воздух.

Спать я отправился не в настроении. Зато быстро заснул. И снились мне перистые облака, и небо, которое переливалось всеми цветами радуги, и воздух, от которого исходил запах блинов.

Проснулся я от резкого звонка в дверь. На часах двенадцать часов. Вот это да! Наконец-то удалось хорошенько выспаться.

Звонок повторился. Я оделся и выбежал в коридор. Пришли Мотька с Верой.

– Чего так долго дверь не открываешь? – сердито спросил Мотька.

– Спал.

– А я рано проснулась, – улыбнулась Вера. – Мама в сад разбудила, мы туда пришли, а у них с сегодняшнего дня керосин.

– Что у них? – не понял я.

– Карантин в саду! – буркнул Мотька.

– И я теперь буду дома, – радовалась Вера. – Вот!

– А бабушка как назло к сестре уехала. Верку на меня повесили.

– Не ври, – крикнула Вера. – Меня на тебя не вешали. Гарик, не слушай его. Мама просто сказала Матвею, что он будет за мной смотреть.

– Навязали, – не успокаивался Мотька.

– Кого навязали?

– Тебя.

– Меня не вязали.

– Ладно, помолчи, – Мотька прошел на кухню. – Гарик, у вас на завтрак блины?

– Не знаю еще, но пахнет вроде блинами.

– Точно – блины. Смотри, целая гора. Я поставлю чайник.

– А мне можно блины? – спросила Вера.

– Конечно. Моть, ты там хозяйничай, я в ванную заскочу.

– Только долго там не засиживайся, у нас мало времени.

– В смысле?

– Надо кое-куда смотаться.

– А куда?

– Выйдешь, скажу.

Когда я прошел на кухню, Мотька уже уплетал третий блин.

– Вкусные блинчики, – протянул он. – Присоединяйся.

– Колись, куда намылился?

– К одному старику надо съездить. Здесь недалеко. На сайте наткнулся на его объявление, он марки продает. Может, удастся что-нибудь выбрать. Созвонились сегодня, он меня ждет.

У Мотьки хобби – он коллекционирует марки. Мои родители не раз ставили мне его в пример. Мол, посмотри на Матвея, увлекается марками, а у тебя никаких интересов нет кроме компьютера. А я, между прочим, тоже марками увлекался во втором классе. У меня даже специальный альбом был, я складывал туда марки, и сразу же про них забывал. Потом подарил альбом вместе с марками Мотьке.

– Но у нас большая проблема, – говорил с набитым ртом Мотька. – Верка!

– Я не большая проблема, я маленькая.

– Кому бы ее на шею повесить, Гарик? Есть варианты?

Я пожал плечами.

– Даже не знаю.

– Я не хочу, чтобы меня вешали, – испуганно сказала Вера.

– Это такое выражение, Вер, – пояснил я. – Мотька пытается тебя пристроить.

– На стройку?

– Верка, в кого ты такая бестолковая? – прикрикнул Мотька.

– Не срывайся на ней, – сказал я. – Вспомни себя в ее возрасте.

– Я пособразительней был.

– Ну-ну, – я отпил из чашки чай и щелкнул пальцами. – Слушай, а давай Веру к Виолетте отведем.

– Идея. Только бы она дома была.

– А куда она денется, наверняка сидит, читает.

Я оказался прав, Виолетта открыла нам дверь, держа в руках книгу.

– Привет. Виолетт, выручай.

– А что случилось?

Мотька хотел ответить, но Вера его перебила:

– Виолетта, у меня в детском саду с сегодняшнего дня керосин начался. Матвей хотел меня на стройке повесить, но потом Гарик вспомнил про тебя и мы пришли. Вот!

– Ничего не поняла, – улыбнулась Виолетта.

– С Веркой посидишь часик?

– Конечно.

– Отлично! Гарик, отчаливаем.

– Куда это вы отчаливаете? – в коридор вышла Тоська.

– О! Ты дома?

– Забежала на пять минут, – поморщилась Тоська. – А Карабасиха-Барабасиха уже дважды звонила.

– А как ты хотела, – смеялся Мотька. – Легких денег не бывает.

– Не умничай.

Карабасиха-Барабасиха, она же Маргарита Андреевна, вдова доктора исторических наук. Живет Маргарита Андреевна в соседнем доме в пятикомнатной квартире. На обычных старушенций не похожа, вечно строит из себя аристократку. Даже одевается по моде двадцатых годов прошлого столетия. Постоянно рассекает на улице в шляпках с вуалью, зонтиком-тростью, ажурных перчатках. А еще она ежедневно выгуливает своего кота – толстяка Мишеля. Нарядит его в комбинезон, шапочку, на лапы нахлобучит мягкие сапожки, и вышагивает по двору с видом королевы.

А Мишель, он то совсем не считает себя аристократом, все норовит местечко погрязнее найти. Если по пути встретиться лужа, Мишель непременно в нее плюхнется. Маргарита Андреевна начинает тянуть поводок и голосить: «Фи, Мишель, как вам не стыдно! Немедленно вставайте, мы возвращаемся домой». Да, она обращается к коту исключительно на «вы». А как вы хотели, аристократка все-таки, у них воспитание в крови.

Хотя однажды я слышал, как Маргарита Андреевна, забыв на некоторое время о хороших манерах, называла Мишеля такими словами, что у росшей неподалеку березки моментально пожухли листья. А Мишель лишний раз убедился, что его хозяйке ничто человеческое не чуждо.

Как-то раз Тоська помогла Маргарите Андреевне донести до подъезда сумку, та рассыпалась в благодарностях, заявила, что Тоська очень милая барышня и предложила на время летних каникул стать её помощницей по хозяйству. Тоська посмеялась, и уже планировала отказаться (какая из нее помощница, если она дома через раз посуду за собой моет), но Маргарита Андреевна назвала сумму, которую готова ежедневно платить Тоське за помощь. Тоська чуть в обморок не грохнулась. А когда пришла в себя, быстро закивала.

Домой в тот день Тоська вернулась, ощущая себя богачкой.

– Я тут подсчитала, – сказала она Виолетте. – В конце могу купить себе крутой ноутбук.

– Тось, а тебе это надо? Я слышала, у Маргариты Андреевны очень сложный характер.

– Подумаешь. Я же не с ней нянчиться буду. Так, пустяки, в магазин смотаться, в квартире пыль протереть, с Мишелем погулять. Ерунда!

Знала бы Тоська, на что она согласилась. Маргарита Андреевна, ставшая уже через пару дней Карабасихой-Барабасихой, имела массу причуд. В магазин Тоська должна была ходить ежедневно, Маргарита Андреевна никогда не покупала продукты впрок. Если хлеб, то только свежайший, молочные продукты с сегодняшней датой выпуска, картошка должна быть овальной формы без единой впадинки, а яблоки (их Тоська всегда покупала по две штуки) зеленокрасные. Один раз Тоська купила кефир двухдневной давности, так Маргарита Андреевна подняла такой ор, обвинив Тоську чуть лине в попытке преднамеренного отравления.

– Если бы сейчас были времена моего детства, вам бы, барышня, не миновать двадцати ударов розгами! – выпалила Карабасиха-Барабасиха.

С уборкой квартиры вообще жесть! Пыль в пяти огромных комнатах следовало вытирать каждый день. А еще всюду были ковры, на которых валялся Мишель, оставляя свою длинную шерсть.

Короче говоря, Тоська превратилась в Золушку.

– И долго ты собираешься быть у нее в рабстве? – спросил Мотька.

– До конца каникул.

– Ты не выдержишь.

– Выдержу. Знал бы ты, сколько она мне платит.

– А сколько, Тось? – спросил я.

– Секрет.

– Да ладно тебе, скажи.

– Условия контракта запрещают мне озвучивать сумму гонорара.

Виолетта подошла ко мне и шепнула на ухо.

– Виолка, не смей! – крикнула Тоська.

Но было поздно, я услышал цифру.

– Офигеть! – только и смог выдохнуть я.

– Что, – вскинул брови Мотька. – Настолько все серьезно?

Я прошептал ему сумму.

– Сколько?!

– Вот именно, – усмехнулась Тоська.

– Слушай, а твоей домомучительнице еще помощник не нужен?

– Или два помощника? – быстро вставил я.

– Вряд ли.

– За такие деньги я бы в магазин по пять раз мотался.

– Мне конкуренция не нужна, – сказала Тоська. – И вообще, вы вроде куда-то торопились. Вот и валите.

К Ивану Ивановичу, так звали старика, мы приехали с опозданием.

– Я договорился на час, а сейчас начало третьего.

– Забей. Какая разница.

Мотька надавил на кнопку звонка. Спустя полминуты позвонил снова.

– Блин. Его нет дома.

– Не, Гарик, дома старик. Он предупредил, что дверь откроет не сразу, у него ноги больные, Иван Иванович плохо ходит.

Прошло еще две минуты. Дверь нам так и не открыли.

– Моть, за это время можно было бы открыть и с больными ногами.

– И что ты предлагаешь?

– Позвони ему.

Мотька поднес телефон к уху.

– Недоступен.

– Зря приехали, – я взялся за ручку и толкнул дверь.

Она открылась.

– Опа! Моть, смотри.

Мотька напрягся.

– Не понял юмора.

Я открыл дверь шире, прислушался.

– Зайдем?

– А стоит, Гарик?

– Иван Иванович, – крикнул я. – Вы дома?

Тишина.

– Моть, надо пройти. Вдруг ему плохо.

– А дверь почему открыта?

– Сейчас узнаем, – я прошмыгнул в коридор, знаком показав Мотьке, чтобы он прикрыл дверь.

В одной из комнат обнаружил распахнутый шкаф, и выдвинутые ящики комода. На полу валялась одежда и коробка с документами.

Мотька положил руку мне на плечо.

– Гарик, мы попали.

– То есть?

– Ты еще не понял? По ходу грабанули старика.

По спине пробежал холодок.

– Да не, Моть…

– Тогда где он? И почему его вещи раскиданы по комнате?

– Мы посмотрели не все комнаты. И в ванную заглянуть надо.

Минуту спустя стало ясно окончательно, Ивана Ивановича в квартире нет. А есть бардак в комнате и открытая входная дверь.

– Капец! – протянул Мотька. – Куда мы вляпались?

– Мы здесь не при чем.

– Гарик, я уверен на все сто, старика… того… – Мотька провел ребром ладони себе по шее.

– Брось.

– У тебя есть другие варианты?

– Зачем грабителям увозить Ивана Ивановича с собой? Они бы его здесь оставили.

– Но его нет.

– И что делать?

– Уходим.

– Подожди, Моть. А следы?

– Какие следы?

– Наши! Рано или поздно в квартире появится полиция, начнут снимать отпечатки пальцев, а мы с тобой дотрагивались до дверных ручек. И свет я в ванной комнате включал.

– Наших отпечатков пальцев нет в картотеке, нам нечего бояться.

– Я все равно их сотру. У тебя есть платок?

– Нет.

– И у меня нет.

– Возьми тряпку, вон валяется.

Я нагнулся, и вдруг меня осенило.

– Сбегать нельзя! Мотька, предлагаю вызвать полицию.

– Зачем тебе лишние проблемы?

– Скажем правду, что приехали посмотреть марки, звонили, потом увидели открытую дверь.

Мотька колебался. С одной стороны он был не против полиции, с другой его напрягала тягомотина, которая обязательно начнется, едва полиция переступит порог квартиры Ивана Ивановича.

– Я звоню?

– Гарик, погодь. Дай подумать.

– Чего тут думать?

– Не дави на меня. Иди лучше ручки протри.

– Нельзя. Другие отпечатки сотрутся.

– Блин! Вляпались.

– Все, Моть, я звоню

– Ладно.

И только я вооружился телефоном, как в прихожей услышал стук. Мотька вздрогнул и рванул к двери. Я потянул его за локоть.

– Куда ты?!

– Там кто-то есть.

– Вдруг это они вернулись? Грабители!

Мотька отскочил от двери и в растерянности начал осматриваться.

– Лезем под кровать.

– Расстояние от пола маленькое. Не получится.

– Тогда в шкаф.

Мотька подбежал к шкафу, а я решил спрятаться за занавеской. В коридоре послышались осторожные шаги. Я напрягся, сделал глубокий вдох и чуть не чихнул. Занавеску давно не стирали, она была пыльной, при данных обстоятельствах это играло против меня.

Глава третья

Требуется помощник

Завидным наше положение не назовешь. Ситуация, в которой мы с Мотькой оказались, больше напоминала дурной сон. Прячемся в чужой квартире, неизвестно от кого, а главное, совершенно не представляем, что последует дальше. А произойти может все что угодно. Как вариант, нас засекут грабители (я нисколько не сомневался, что именно они ходят по коридору), мы сразу станем ненужными свидетелями и… даже думать не хочется, во что выльется наша невинная поездка за марками.

Интересно, размышлял я, если мы не выйдет отсюда живыми, как отреагируют наши родители на известие о нашей трагической гибели. В том, что мы с Мотькой погибнем трагически, я не сомневался. Просто так, без боя, мы не сдадимся. Но этот самый бой окажется неравным, грабителя наверняка вооружены, и при любом раскладе ни мне, ни Мотьке не удастся с ними справиться.

Неужели это конец? Совсем не так я представлял себе собственную кончину. А если уж говорить совсем откровенно, я ее вообще ни разу не представлял. Просто была уверенность, что жить я буду долго, а когда состарюсь, ученые изобретут таблетку от бессмертия, и я проживу вечно.

Мысли прервались, когда в дверном проеме появилась фигура. Парень лет двенадцати осторожно заглянул в комнату и сделал несколько неуверенных шагов в сторону шкафа. От сердца немного отлегло, но я чувствовал, расслабляться не стоит. Парень заодно с грабителями, с минуты на минуту в комнату войдет кто-то еще. Наблюдая за парнем, я подумал о Мотьке. Если шкаф откроют, я не стану бездействовать, выбегу из своего укрытия. Мотьку в беде не брошу.

Очевидно, Мотька тоже видел парня сквозь узкую щель между дверцами, и его настрой, в отличие от моего был более оптимистичен. А может, Мотька просто испугался и решил, что терять ему уже больше нечего. Так или иначе, но он выскочил из шкафа и с криками: «Гарик, помогай», набросился на парня.

Тот шарахнулся в сторону, оступился и упал на пол. Я сорвался с места. Вдвоем мы навалились на малолетнего преступника, и пока он пребывал в шоковом состоянии, связали ему руки. Для этих целей использовали ремень, валящийся в кресле.

– Пустите! – кричал парень, не пытаясь сопротивляться.

Его настолько поразило наше внезапное появление в комнате, что сил на сопротивление не оказалось.

– Нас сейчас убьют, – прошептал я Мотьке.

– С кем ты сюда заявился? – обратился Мотька к парню.

– Один.

– Появился шанс уйти живыми. Гарик, делаем ноги.

– А он? – я кивнул на парня.

– На улице вызовем полицию, пусть разбираются.

– Зачем вызывать полицию? Кто вы?

– Встречный вопрос, – сказал я. – Кто ты?

– Сашка.

– Что здесь делаешь?

– Пришел навести в квартире порядок.

– Слыхал, Моть, – усмехнулся я. – За идиотов нас принимает.

– Я, правда, хотел собрать вещи Ивана Ивановича. Они в соседней комнате валяются.

– Откуда знаешь?

– Я сам их раскидал. Торопился очень. Развяжите мне руки.

– Больше ничего не хочешь? Давай, продолжай заливать.

– Я не заливаю. Мы с Иваном Ивановичем соседи, я живу в квартире напротив. Часто прихожу к нему, помогаю, у Ивана Ивановича больные ноги. Сегодня тоже зашел, мы разговаривали, и ему вдруг стало плохо. Сердце прихватило. Я позвал бабушку, она вызвала «скорую», они решили отвезти его в больницу. Иван Иванович попросил меня достать документы и вещи.

– И ты устроил в соседней комнате погром.

– Просто нервничал. Полис медицинский найти не мог, вывалил на пол все документы из коробки. Потом одежду подходящую выбирал. Бабушка поехала в больницу вместе с Иваном Ивановичем, я домой ушел…

– Стоп! А дверь? Почему она была открыта?

– Наверное, забыл захлопнуть. Говорю же, переживал за старика. Сейчас бабушка позвонила, вроде Ивану Ивановичу лучше. Сказала, чтобы я вернулся сюда и навел порядок.

Мы с Мотькой переглянулись.

– Гарик, как считаешь, можно верить тому кадру?

– Думаю, да.

– А зачем мне врать?

– Ну извини, – Мотька принялся развязывать Сашке руки. – Мы решили, в квартире побывали грабители.

– А сами как очутились в комнате? – Сашка подозрительно смотрел на нас.

– У меня с Иваном Ивановичем была назначена встреча, – Мотька рассказал о марках.

– А-а, – протянул Сашка. – Так Иван Иванович за этим меня и позвал сегодня. Сказал, к нему марки приедут смотреть, просил побыть с ним. Он всегда так делает, чтобы его вокруг пальца не обвели.

– В смысле?

– В марках Иван Иванович не разбирается…

– Разве они принадлежат не ему?

– Теперь ему. Но собирал марки его внук – Лешка. Он с родителями уехал в другую страну, альбомы остались. Иван Иванович раньше не думал их продавать, но Лешка сказал деду, что марки ему больше не нужны, разрешил выбросить альбомы. А зачем выбрасывать, если можно продать. Там есть редкие, дорогие марки. Я в филателии немного разбираюсь, – не без гордости сказал Сашка. – Не раз наблюдал, как Ивана Ивановича хотели надурить при покупке марок. Говорили, что она копеечная и не представляет интереса для коллекционера, а на самом деле марка денег стоила.

– Значит, ты выступал в качестве эксперта.

– Ну да.

– Понятно, – Мотька прошелся по комнате и остановился у окна. – Саш, а можешь показать марки? Раз уж мы приехали.

– Могу не только показать, но и продать. Если сумеем договориться, – добавил Сашка, напустив на себя важности.

Когда Сашка отправился за альбомами, я толкнул Мотьку в бок.

– Зачем ты из шкафа выскочил?

– Сработал инстинкт самосохранения.

– Ни фига он у тебя не сработал. А если бы это действительно были грабители? Нас бы хлопнули без лишнего шума.

– Не тянул это дохляк на грабителя. И потом, в шкафу так нафталином пахло, я задыхался. Сил не было там сидеть.

Сашка принес четыре альбома. Устроившись прямо на полу, мы начали смотреть марки. Этот процесс растянулся на целый час. Мотька, подражая профессиональному коллекционеру, постоянно умничал, комментируя каждую марку. Ему бы еще лупу в руки – вылитый филателист.

– А марки-то в основном левые, – сказал он.

– Сам ты левый, – оскорбился Сашка. – Ничего ты в них не понимаешь.

– Я не понимаю?! Гарик, как тебе это нравится.

– Определись уже, Моть. Я есть хочу.

Мотька скорчил гримасу.

– Ну… из увиденного меня заинтересовали три марки. Наверное, я их куплю.

Сашка назвал цену.

– Сдурел? Им цена – десять рублей.

– Найди такие за десять рублей и купи, – парировал Сашка.

– Это грабеж! Не стоят они таких денег.

– Я не настаиваю. Не хочешь, не покупай.

– Тогда я куплю одну.

– Цена одной марки будет дороже, выгоднее купить несколько.

– Гарик, он аферист.

– Просто я не глупее тебя.

Мотька взял альбом и начал снова рассматривать марки. С Сашкой они непрестанно спорили. Я откровенно заскучал. И, наверное, скучал бы до самого вечера, но в квартире появилась бабушка Саши.

– О! – воскликнула она, увидев нас на полу. – И чего расселись?

– Ба, ребята за марками приехали. Иван Иванович в курсе.

– Знаю, говорил он мне. Вы давайте, завершайте свои дела. Саша, обедать сейчас будем.

– Как Иван Иванович? – спросил я.

– Обошлось. Полежит немного в больничке и домой отпустят.

– Ты определился? – Сашка закрыл один альбом и потянулся ко второму.

– Беру три. Но ты должен пойти мне навстречу и сбавить цену.

– Нет.

– Сань, не вредничай. Сам же знаешь, цена слишком завышена.

– Может быть, – не стал отпираться Сашка. – Я накинул за моральный ущерб. Вы на меня набросились, связали, я из-за вас перенервничал.

Я издал смешок.

– Моть, он прав – наш косяк.

– Мне этот косяк слишком дорого обходится, – пробормотал Мотька, доставая деньги.

По дороге домой, Мотька взял с меня слово, что я никому не расскажу о нашей экстремальной поездке.

– Мог бы не предупреждать. Самому не охота выставлять себя паникером.

Вечером ко мне забежала Тоська.

– Гарик, – затараторила она с порога. – Какие у тебя планы на завтра?

– Хм, так… дай подумать. Утром я собирался покататься на яхте, в обед у меня встреча с послом…

– Хватит придуриваться! Я серьезно спрашиваю. Если занят, так и скажи, и встречайся со своим ослом.

– С послом, – засмеялся я. – Тось, ничего я завтра не делаю.

– А твое предложение все еще в силе?

– По поводу?

– Не отпало желание стать помощником Карабасихи-Барабасихи?

В коридоре нарисовался Пашка. Услышав слова Тоськи, он заинтересовано посмотрел на меня.

– Что за Карабасиха-Барабасиха?

– Уши будешь греть в другом месте, – я кивнул Тоська на дверь в мою комнату. – Пошли.

– Детский сад, – крикнул нам вслед Пашка.

– Тось, ты говорила с ней обо мне? Она согласна? А платить будет столько же?

– Притормози, Гарик! Твоя помощь потребуется дня на два-три. Карабасиха решила выбить свои многочисленные ковры. Прикинь, заявила мне, что не мешало бы из них пыль вытрясти. Пылесос ее, видите ли, не устраивает. – Тоська вытянула губы трубочкой и, подражая Маргарите Андреевне, произнесла писклявым голосом: – Антонина, даже мощный пылесос вытягивает не всю пыль. Ковры необходимо выбивать на улице.

– В чем должна заключаться моя помощь?

– А ты думаешь, я смогу одна вытащить ковер на улицу? Это нереально. Сказала об этом Карабасихе, намекнув, что понадобится второй человек, например, мой одноклассник. Она не против.

– И я не возражаю.

– Значит, завтра в одиннадцать стартанем к ней. Или ты еще спать будешь? Можно и позже заявиться.

– Одиннадцать – самый раз, – заверил я Тоську.

И, конечно же, утром мне настолько хотелось спать, что с огромным трудом удалось оторвать голову от подушки. Четверть одиннадцатого, а состояние такое, будто я лег всего час назад. Пришлось сварить кофе и влить в себя две чашки.

Тоська притопала ровно в назначенный час. Зашнуровав кроссовки и надев бейсболку, я был в полной боевой готовности.

Маргарита Андреевна при виде меня царственно кивнула.

– Здрасти, – сказал я.

– День добрый. Э-э, сударь, как вас величать?

– Гарик.

– Что за имя? – на лице Карабасихи появилась брезгливость.

– Меня зовут Игорь, но все называют Гариком.

– Игорь – другое дело. Человеку дается имя не для того, чтобы его коверкали и превращали в собачьи клички. Антонина, душа моя, ты со мной согласна.

– Полностью, – лыбилась Тоська, которая ненавидела, когда ее называли Антониной.

– Полагаю, ты ввела в курс дела Игоря.

– Да, – кивнул я. – Сегодня занимаемся коврами.

– Их у меня четыре. Но прежде чем нести ковры на улицу, вам следует тщательно их пропылесосить. Далее ковры необходимо свернуть и вынести в коридор. На этом этапе мы о них забываем.

– Как? – удивилась Тоська. – А разве…

– Антонина, сколько раз я тебе говорила, перебивать взрослых – моветон. Ты же умная барышня, соответствуй.

– Простите, – наигранно смутилась Тоська.

– Скорее всего, ковер вы начнете выбивать завтра. Сегодняшний день придется потратить на чистку и мытье пола. Паркет надо вымыть тщательнейшим образом, пройтись щеткой по каждой плашке, чтобы они сверкали. Вы меня понимаете? Что ж, если вам ясен фронт работ, можете приступать.

Мы с Тоськой прошли в гостиную. Ковер был не такой уж и большой, я напрасно опасался, что в просторных комнатах Карабасихи на полу лежат пятиметровые ковры-самолеты.

– Гарик, пылесосить будешь ты, – предупредила Тоська.

– Без проблем.

– Я пыль с полок протру. Блин, только вчера протирала, уже все в пыли. Это из-за Мишеля. Носиться по квартире как угорелый.

Мишель нарисовался в гостиной, когда я с интересом рассматривал рамки с фотографиями на журнальном столике. Сверкнув зелеными глазами, кот подошел ко мне и мяукнул. Я видел его исключительно на улице, в домашней обстановке он показался мне намного толще.

– Тебя не перекармливают?

– Его откармливают на убой, – сказала Тоська.

– Тось, не пойму, это Карабасиха что ли? – я взял серебристую рамку в руки, внимательно вглядываясь в черно-белую фотографию.

– Угадал.

– А почему она в балетной пачке?

– Гарик, ты с луны свалился? Карабасиха-Барабасиха – балерина.

– Вау!

– Когда вышла на пенсию, стала педагогом. Но сейчас уже не преподает.

– Я слышал, балерины рано уходят на пенсию.

– Лет в тридцать пять.

– А сколько лет Карабасихе?

– Этого никто не знает, – расхохоталась Тоська. – Судя по фотографиям – много.

Мишель прыгнул на диван. Тоська его согнала.

– Брысь! Подстричь тебя надо, чтобы ты лысый был.

– Антонина, ты ругаешься на Мишеля? – послышался голос Карабасихи.

– Нет, Маргарита Андреевна, вам послышалось.

– Помни, у Мишеля тонкая душевная организация, на него нельзя поднимать голос.

– Я помню, Маргарита Андреевна, – Тоська показала Мишелю кулак. – Иди отсюда со своей организацией, не видишь, убираемся.

Кот задрал хвост и вышел. Я продолжал смотреть фотографии. Значит, Карабасиха бывшая балерина. Это многое объясняет. Во всяком случае, теперь понятно, почему она всегда держит спину и ходит так, словно копье проглотила. Я не раз слышал от соседей, что у Маргариты Андреевны царственная осанка, но почему-то никто из них не упоминал про балет.

– Гарик, ты не забыл, зачем сюда пришел? – прикрикнула Тоська. – Бери пылесос.

– Где он?

– В коридоре стоит.

В коридоре пылесоса не было. Я заглянул в соседнюю комнату. Нет, не искал там пылесос, просто из любопытства. Мебель в квартире Маргариты Андреевны была сплошь антикварной, полки заставлены дорогими статуэтками и старинными подсвечниками, с потолков свисали бронзовые люстры с хрустальными подвесками. Осмотревшись, я прошел в другую комнату, оттуда зарулил в третью.

В коридоре столкнулся с Тоськой.

– Где ты шляешься?

– Пылесоса нигде нет.

– Глаза раскрой. Давай, иди, не прохлаждайся, а то Карабасиха развопится. Кстати, где она?

– Не знаю.

Тоська насторожилась.

– Неужели опять? – прошептала она.

– Ты о чем?

– Тихо, Гарик. Маргарита Андреевна, – громко крикнула Тоська.

В ответ – ни звука.

– Маргарита Андреевна, где вы?

– Тось, что ты делаешь?

– Сейчас узнаешь.

Тоська прошлась по всем помещениям в квартире и подошла ко мне с растерянным выражением лица.

– Снова испарилась. Уже не раз такое происходило. Карабасиха пропадает в собственной квартире.

– Не гони, Тось.

– А где она, по-твоему? Три минуты назад она с нами разговаривала, теперь ее нет.

– Вдруг вышла?

– Дверь не хлопала.

– Мы могли не услышать.

– Нет, Гарик, здесь дела похлеще творятся.

– Куда ты клонишь?

– Мне кажется, – Тоська отвела меня в угол и понизила голос до шепота. – Карабасиха-Барабасиха занимается колдовством.

Мне сделалось смешно.

– Что смешного?

– Твои слова.

– Не веришь?

– Нет.

– Просто ты здесь впервые, а я уже давно.

– Тось, меньше надо ужасы смотреть.

– Не уподобляйся Виолке.

В коридор выбежал Мишель.

– Кис-кис-кис, – позвал я. – Где твоя хозяйка?

Мишель рванул по длинному коридору. Я пошел следом.

– Надеешься, он приведет тебя к заброшенной избушке на курьих ножках? – крикнула Тоська.

– Посмотрим.

Мишель привел меня на кухню. Замерев у пустой миски, он мяукнул.

– Есть хочешь? Тось, кот голодный. Где корм лежит?

Тоська меня не услышала. Не удивительно, в таких хоромах заблудиться можно. Я вышел из кухни, прошел по коридору, свернул за угол и вскрикнул от неожиданности.

Глава четвертая

Охотники за адреналином

Передо мной стояла Маргарита Андреевна. Сглотнув, я глупо улыбнулся, пытаясь взять себя в руки.

– Игорь, что с тобой?

– Ничего Маргарита Барабасовна, – ляпнул я. – Вернее… Мишель просит есть, а миска пустая.

Маргарита Андреевна прошла мимо меня.

– Сейчас накормлю, – бросила она на ходу.

– А где вы были? – спросил я.

– В комнате.

– Но мы… А-а, понятно, – продолжая улыбаться, я вернулся в гостиную.

Выслушав меня, Тоська сощурила глаза.

– А что я тебе говорила. Странные дела здесь творятся, Гарик.

– Но ведь они нас не касаются, правда?

Смахнув с фарфоровой статуэтки пыль, Тоська пожала плечами.

– Как знать. Я как-то пошла гулять с Мишелем, а когда вернулась, Маргарита Андреевна долго не открывала дверь. Звоню ей, а она удивляется, типа, вы уже пришли. Сейчас, говорит, открою. Спрашивается, почему она на звонок не реагировала? Не слышала его? Но как такое возможно, Гарик?

Я включил пылесос, начав избавлять ковер от шерсти Мишеля. Тоська воевала с пылью на открытых полках, проклиная про себя армию ненавистных статуэток. Отлично ее понимаю. Когда меня заставляют дома вытирать пыль – это высшая мера. С полки и со стола она вытирается быстро, провел пару раз тряпкой и готово. Но если на пути встречаются пылесборники в виде фигурок и прочей фигни, у меня начинается приступ паники. Ненавижу протирать всю эту мелочевку. А друзья и родственники будто специально дарят ее в больших количествах. Кто-то приехал с отдыха, привез ракушку. Выбросить жалко, и она занимает свое место на полке. Стоит, сверкает, притягивая своей красотой слой пыли. То шишку декоративную подарят, то вазочку причудливой формы, шарики, пирамидки – измена полная.

Пропылесосив ковер, мы с Тоськой свернули его и вынесли в коридор, прислонив к стене.

– Тяжелый, – сказала Тоська.

– Никогда бы не подумал, что во время каникул по доброй воле стану драить пол бывшей балерине и выбивать ее ковры.

– А я, – поддержала меня Тоська. – Скажи мне, что превращусь в помощницу Карабасихи-Барабасихи, рассмеялась бы этому человеку в лицо.

– Никогда не поздно отказаться.

– Откажись, если такой умный. Лично мне нужен ноутбук. И не какой-нибудь, а самый лучший. Надоело с Виолкой из-за него постоянно ругаться. Как только я сажусь за ноут, ей срочно инфу посмотреть надо, и наоборот. А в сентябре у меня будет личный ноутбук, – Тоська вздохнула и осмотрела пол.

– Паркет грязный.

– Неси швабру.

– У нее нет швабры.

– А чем пол мыть? У Маргариты случайно нет моющего пылесоса?

– Случайно нет, – Тоська легонько стукнула меня по лбу. – Размечтался. Моющий пылесос ему подавай. Мы с тобой здесь кто?

– Кто?

– Наемная сила. Поэтому придется попотеть. Пол предстоит мыть обычной тряпкой.

– Как в каменном веке. Легче швабру купить.

– В каменном веке полы не мыли, – Тоська вышла из гостиной.

Вернулась в компании Маргариты Андреевны.

– Гарик, тряпка отменяется.

– Антонина! – повысила голос Карабасиха-Барабасиха. – Здесь нет Гариков. Его зовут Игорь.

– Вот бы запомнить, – буркнула Тоська.

– Игорь, любезный друг, пол пропылесось, а потом я снабжу вас щетками.

Не представляя, как щеткой мощно помыть паркетный пол, я выполнил указание. Далее Маргарита Андреевна вручила нам маленькие щетки (спасибо, что не зубные), пачку влажных салфеток, и тоном, не терпящим отлагательств, объявила:

– Ваша задача – вычистить каждую плашку.

Вы представляете, сколько плашек в тридцатиметровой гостиной? Сотни. И каждую мы должны драить щеткой, а потом протирать влажными салфетками. Такое впечатление, что это новая изощренная пытка. Время от времени Карабасиха-Барабасиха заходила в комнату, контролировать процесс.

– Антонина, ты пропустила плашку. Будь внимательна!

– Хорошо.

– Игорь, не нажимай сильно на щетку, испортишь лак.

– Ага.

Час спустя, когда моя спина взмокла от пота, а Тоська призналась, что возненавидела паркет, Маргарита Андреевна позвала нас пить чай. Я попытался встать с пола, и замер в полусогнутом положении.

– Гарик, ты в порядке?

– Спина. Разогнуться не могу.

– У тебя приступ ревматизма, – заявила Тоська. – Или ты нерв защемил. Или…

– Не надо больше «или». Это от неудобного положения тела. Пройдет.

Доковыляв до кухни, я рухнул на стул.

– Игорь, будь любезен, не сутулься, – Карабасиха-Барабасиха взяла тост, намазала его тонким слоем масла, а сверху положила ложку вишневого джема.

– Спина болит, – простонал я.

– Спина не может болеть, – услышал я в ответ.

– Но она у меня болит.

– Глупости! Расправь плечи. Спину держи прямо. Антонина, убери локти со стола!

Чай мы пили, выслушивая ежесекундные замечания Карабасихи. То не так, это не этак.

Паркет в гостиной мы вычистили, точнее будет сказать, вылизали, к пяти часам вечера. Маргарита Андреевна протянула мне две выбивалки для ковров.

– Когда вернетесь, можете быть свободны. На сегодня хватит. Второй комнатой займетесь завтра.

Жила бы ты в малогабаритной однушке, подумал я, мы бы за несколько часов справились. А так целых пять комнат себе заграбастала, здесь убираться можно бесконечно. Пока в последней комнате порядок наведешь, первая успеет зарасти грязью.

Ковер мы с Тоськой тащили, как клоуны в цирке таскают бревно на арене. А со стороны мы, наверное, и выглядели клоунами. Лица красные, волосы взъерошены. Спустив ковер

на улицу, встал вопрос, где, собственно, его выбивать. Я, признаться откровенно, ни разу не видел, чтобы у нас во дворе выбивали ковры.

– Потому что у всех нормальных людей дома есть пылесосы, – ворчала Тоська. – Их вполне достаточно. А Барабасиха хочет, чтобы мы отработали каждую копейку. Гарик, я не знаю, где его выбивать.

– Пошли на детскую площадку, там перекладина есть, повесим его и выбьем.

На детской площадке мы встретили Мотьку. Он гулял с Верой.

– Какие люди и без охраны.

– Зато с ковром, – хохотнула Тоська.

– Кого грабанули?

– Карабасиху.

– Не понял. Гарик, ты тоже в доле?

– Как видишь.

– А почему меня не позвали?

– Моть, радуйся, что не попал в кабалу.

– Давайте хоть помогу.

Едва мы повесили ковер, к нам подлетела мамаша белобрысого мальчишки.

– Снимайте! – крикнула она. – Здесь дети. Ребят, вы чего творите?

– Тупанули мы, – признался я.

– И что делать? – огорчилась Тоська.

– На школьный двор ковер нести. Там турники есть – идеальное место. Повесим, и лупите по нему, пока не надоест.

– До школьного двора пилить не охота.

– Гарик, у тебя нет выбора, – веселился Мотька. – Давайте, беритесь. Так! Стойте, я видюху сниму.

– Моть, прекрати!

– Хорош, Мотька. Лучше помоги дотащить.

– А куда я денусь. Тось, отойди. Взяли, Гарик! Понесли.

– Моть, ты Веру забыл.

– Елки-палки! Верка, пошли на школьный двор.

Вера подбежала к нам и засмеялась.

– А можно я сяду, и вы меня понесете.

– Можно, – ответил Мотька. – Но при условии, что на школьном дворе, когда начнем выбивать ковер, этой пластмассовой штуковиной получишь и ты по заднему месту.

Вера с опаской посмотрела на выбивалки (их несла Тоська) и мотнула головой.

– Я лучше ногами пойду.

– И желательно с закрытым ртом, – сказал Мотька.

Впервые в жизни мне довелось выбивать ковер. Скажу сразу – это жесть. Стоило садануть по нему выбивалкой, вокруг образовалось облако пыли. Я прикрыл глаза ладонью, закашлял. Неожиданный поворот. Я же собственноручно пылесосил его, думал, он чистый, а на деле ковер пропитан пылью. Выходит, права Карабасиха, пылесос, конечно, дело хорошее, но обыкновенная выбивалка без всяких наворотов надежнее.

Били по ковру по-очереди. Десять раз я, десять Мотька и десять Тоська. Вера не могла стоять в стороне. Упросила дать ей выбивалку, ударила раз, другой, третий… Этот процесс настолько ее увлек, что когда мы отдыхали, она продолжала издеваться над ковром.

– Пусть бьет, – махнул рукой Мотька. – Хоть какая-то польза от нее будет.

Вернув ковер законной хозяйке, мы с Тоськой получили денежное вознаграждение. Усталость и неудовольствие, которые преследовали меня на протяжении дня, мгновенно улетучились. Настроение поднялось, захотелось сразу истратить деньги.

Мы вышли из подъезда, на скамейке нас ждал Мотька.

– Верку отвел домой, теперь можно прогуляться.

– Мне не хочется, – призналась Тоська. – Давайте лучше завтра куда-нибудь сходим все вместе. Я и Виолку вытащу.

– Постой, но завтра мы идем к Карабасихе, – напомнил я.

– Гарик, не тормози. Не забывай, мы не рабы. К Карабасихе придем днем, а утром можно где-нибудь потусить.

– Вопрос – где? – невесело усмехнулся Мотька.

– Места знать надо. Что скажете про парк с аттракционами? На американских горках не хотите прокатиться?

Я расплылся в улыбке.

– Тоська, ты гений! Классная идея.

– Моть, чего молчишь?

– Про аттракционы я не думал. Чего раньше молчала, столько дней впустую прошло.

– Значит, договорились? Тогда встречаемся в половине десятого и едем в парк.

Весь оставшийся вечер я находился в предвкушении. Про американские горки слышал очень много разных мнений. Кто-то говорил, что это круто и впечатления остаются на всю жизнь, другие, к числу которых относится моя мама, уверяли, что опасней этого аттракциона нет ничего на свете. Разумеется, мне хотелось прокатиться на горках, но от одной только мысли, что я на бешеной скорости скатываюсь вниз, а потом поднимаюсь наверх и снова мчусь вниз, делалось не по себе. Я не трус, но… я боюсь.

Родителям о своих планах я ничего не сказал. Стоит только заикнуться об американских горках, и мама устроит грандиозный скандал. Перед сном я зашел в комнату Пашки. Он лежал на кровати с планшетом.

– Паш, ты вроде катался на американских горках.

– В прошлом году, – ответил он, не глядя на меня.

– И как ощущения?

– Нормальные.

– Не страшно было?

– Детский аттракцион.

Даже если бы Пашка онемел от ужаса, он ни за что бы в этом не признался. Зря я пришел. Развернувшись, я толкнул дверь, а Пашка спросил:

– Почему интересуешься?

– Просто так. Вдруг когда-нибудь тоже решусь прокатиться.

– Ты?! – рассмеялся Пашка. – Ха!

– Чем я хуже тебя?

– Струсишь, Гарик.

– Посмотрим.

– Тогда советую заранее запастись памперсами, они тебе пригодятся.

– Если они пригодись тебе, это не значит, что все должны воспользоваться твоим советом, – нашелся я.

– Закрой дверь с той стороны.

Я закрыл. Отправился к себе и стал представлять, как уже завтра осуществится моя мечта.

Правда, утром мой запал немного поубавился, не было былой уверенности, что катание на американских горках правильный выбор. Но я пообещал ребятам, давать задний ход поздно. Решат, что струсил.

В десять часов я, Мотька и Тоська с Виолеттой приехали в парк.

– Надо было Веру взять с собой, – сказала Виолетта. – Зря ты ее с соседкой оставил, Моть.

– Только Верки нам здесь не хватало. Кто за ней смотреть будет, когда мы на аттракционы пойдем?

– Я, – ответила Виолетта.

– А американские горки?

– Тось, не начинай. Я не сошла с ума. Не хочу, чтобы у меня сердце остановилось от страха.

– Виолка, соглашайся. Получишь массу удовольствия, – сказал Мотька.

– Я его получу, глядя, как вы будете орать. Особенно Тоська.

– Не дождешься.

– Посмотрим.

Прежде чем идти на американские горки, Мотька предложил съесть по мороженому.

– Очень удачная идея, – засмеялась Виолетта. – Ты еще пиццу съешь. Моть, не дури, какое мороженое? На такие аттракционы лучше идти на голодный желудок.

– Виолка права, не стоит рисковать.

Чем ближе мы подходили к вожделенному аттракциону, тем сильнее у меня билось сердце. А когда покупали билеты, его стук отдавался в ушах ревом бомбардировщика. Ноги предательски задрожали, ладони вспотели. Я смотрел на ребят и стыдился своего состояния. Тоська светилась от счастья, да и Мотька ничем не выдавал своего волнения. По ходу он вообще не волновался.

Мы с Мотькой сели рядом, Тоська сидела сзади рядом с парнем лет двадцати. Впереди нас устроились женщина средних лет и тучный мужчина с заметной лысиной на макушке.

– Готов, Гарик? – спросил Мотька.

– Не знаю.

– Если боишься, еще не поздно отказаться. Составь компанию Виолке.

– Кто боится? Не смеши меня. Просто непривычно, волнуюсь.

– Уф! – Мотька осмотрелся. – Чувствую себя охотником за адреналином.

Пока нам давали инструктаж, как себя вести во время поездки, пристегивали, проверяли крепления, я ощущал нарастающую тревогу. Мне было не до смеха, даже улыбаться не получалось. Я смотрел прямо перед собой, видел блестящую лысину толстяка и решил, что если станет совсем невмоготу, буду таращиться только на нее. Или вообще глаза закрою.

Прошло пять минут, мы были давно готовы, но аттракцион не спешил начинаться.

– Нас специально маринуют, – прошептал я Мотьке. – Чтобы нервишки пощекотать.

– Уже скоро, Гарик.

– Виолка, – крикнула Тоська. – Включай камеру на телефоне.

– Включила.

Я повернул голову и выдавил жалкую улыбку. Виолетта помахала мне рукой.

И вот я ощутил толчок. Мы поехали. Начали медленно подниматься. С каждой секундой Виолетта и стоящие рядом люди, отдалялись от нас, становясь кукольными.

– Прикольно! – говорил Мотька.

– Зачем я сюда сел? – пробормотал сидящий рядом с Тоськой парень.

Лысый мужик вертел головой, а его спутница сказала, что ей уже страшно.

Я делал глубокие вдохи и сканировал взглядом лысину. Вдруг мы замерли. Прошло три секунды и тележки, в которых мы сидели, рванули вниз по рельсам. Мне показалось, мы падаем в пропасть. Визг стоял невероятный. Ветер бил мне в лицо, трепал волосы.

– Гарик, Мотька вы живы? – орала Тоська.

– Живы, – радовался Мотька.

– А Гарик?

– Сама у него спроси.

– Гарик, – звала меня Тоська, но я был не в состоянии что-либо ответить.

Перед глазами стояла блестящая лысина. Больше я ничего не видел, и видеть не хотел. А думал о том, что ветер лишит толстяка остатка волос. Почему-то представил, как они начнут срываться и полетят прямо мне в лицо. Короче говоря, у меня в голове начался кавардак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.